

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Французский синдикализм

Речь Пьера Монатта на девятом заседании
Амстердамского Анархистского конгресса 1907
года.

Пьер Монатт

28 августа 1907

Среда, 28 августа. – Вечернее заседание.

Огромный зал Планицуса буквально переполнен, когда в 9 часов Ланге объявляет заседание открытым. Повестка дня предусматривает обсуждение следующего вопроса: Синдикализм и Анархизм. Слово в качестве первого докладчика предоставляется товарищу Пьеру Монатту из Парижа, члену комитета Всеобщей конфедерации труда (CGT).

ПЬЕР МОНАТТ. – Моё желание – не столько дать вам теоретическое изложение революционного синдикализма, сколько показать его в деле и тем самым дать говорить фактам. Революционный синдикализм, в отличие от социализма и анархизма, предшествовавших ему на этом поприще, утвердил себя не столько теориями, сколько действиями, и искать его следует больше в действии, чем в книгах.

Пьер Монатт
Французский синдикализм
Речь Пьера Монатта на девятом заседании
Амстердамского Анархистского конгресса 1907 года.
28 августа 1907

Anarchisme & Syndicalisme: Le Congrès Anarchiste
International d'Amsterdam (1907), с. 178-187

ru.anarchistlibraries.net

Нужно быть слепым, чтобы не видеть всего того об-
щего, что есть между анархизмом и синдикализмом. Оба
преследуют полное искоренение капитализма и наёмного
труда посредством социальной революции. Синдикализм,
являющийся доказательством пробуждения рабочего дви-
жения, вернул анархизм к сознанию его рабочих истоков;
с другой стороны, анархисты немало способствовали то-
му, чтобы увлечь рабочее движение на революционный
путь и популяризировать идею прямого действия. Таким
образом, синдикализм и анархизм воздействовали друг
на друга к величайшему благу обоих.

Именно во Франции, в рамках Всеобщей Конфедера-
ции Труда (CGT), родились и развились революционно-
синдикалистские идеи. Конфедерация занимает совершен-
но особое место в международном рабочем движении. Это
единственная организация, которая, открыто объявляя
себя революционной¹, не имеет никаких связей с полити-
ческими партиями, даже самыми передовыми. В большин-
стве других стран, кроме Франции, первые роли играет
социал-демократия. Во Франции CGT оставляет далеко
позади себя – как по численной силе, так и по оказываемо-
му влиянию – Социалистическую партию: она претендует
на то, чтобы представлять *одна* весь рабочий класс, и она
высокомерно отвергла все заигрывания, которые ей дела-
лись за последние годы. Автономия составила её силу, и
она намерена оставаться автономной.

Эта претензия CGT, её отказ иметь дело с партиями,
снискали ей со стороны раздражённых противников эпи-
тет «анархистская». Однако нет ничего более ложного. CGT,
обширное объединение профсоюзов и рабочих союзов, не
имеет официальной доктрины. Но все доктрины представ-

¹ Ныне (2026) CGT скорее реформистско-левая конфедерация.
Анархисты перестали играть в ней решающую роль в 1910-1920е годы.

Как всякое человеческое дело, синдикальное движение
не лишено несовершенств, и я далёк от того, чтобы их
скрывать; я считаю полезным всегда держать их в уме,
чтобы против них реагировать.

Важнейшее из них – склонность индивидов перекла-
дывать заботу о борьбе на свой профсоюз, на свою феде-
рацию, на Конфедерацию, взывать к коллективной силе
тогда, когда достаточно было бы их индивидуальной энер-
гии. Мы, анархисты, постоянно взывая к воле индивида,
к его инициативе и смелости, можем энергично реагиро-
вать против этой пагубной склонности к непрерывному
обращению – как в малых, так и в больших делах – к кол-
лективным силам.

Профсоюзная бюрократия также вызывает резкую кри-
тику, которая, впрочем, часто оправданна. Может случить-
ся, и случается, что активисты занимают свои должности
уже не для того, чтобы бороться от имени своих идей, а по-
тому, что в этой должности обеспечен кусок хлеба. Однако
из этого не следует выводить, что профсоюзные органи-
зации должны обходиться без всяких постоянных работ-
ников. Многие организации не могут без них обойтись.
Здесь есть необходимость, недостатки которой могут ис-
правляться всегда бодрствующим критическим духом.

Итак, важно, чтобы синдикалистский опыт французского пролетариата пошёл на пользу пролетариям всех стран. И задача анархистов – сделать так, чтобы этот опыт возобновлялся повсюду, где есть рабочий класс, как работа по освобождению. Этому синдикализму мнений, который породил, например, в России анархистские профсоюзы, в Бельгии и Германии – христианские и социал-демократические профсоюзы, анархистам надлежит противопоставить синдикализм французского образца, синдикализм нейтральный или, точнее, независимый. Как существует лишь один рабочий класс, так и в каждой профессии и в каждом городе должна быть лишь одна рабочая организация, лишь один единый синдикат. Только при этом условии классовая борьба – перестав ежеминутно тормозиться перебранками соперничающих школ или сект – сможет развиваться во всю свою ширь и дать максимум пользы.

Синдикализм, провозгласил Амьенский конгресс в 1906 году, достаточен сам по себе. Это слово, я знаю, не всегда понималось очень хорошо, даже анархистами. Но что оно означает, как не то, что рабочий класс, став взрослым, наконец намерен быть самодостаточным и больше не возлагать ни на кого заботу о своём собственном освобождении? Какой анархист мог бы найти что-либо предосудительное в столь высоко утверждённой воле к действию?

Синдикализм не медлит обещать трудящимся земной рай. Он просит их завоевать его, уверяя, что их действие никогда не останется совершенно тщетным. Он – школа воли, энергии, плодотворной мысли. Он открывает анархизму, слишком долго замкнутому в себе, новые перспективы и надежды. Так пусть же все анархисты приходят к синдикализму; их дело будет от этого плодотворнее, их удары против общественного строя – решительнее.

лены в ней и пользуются равной терпимостью. В конфедеральном комитете есть некоторое число анархистов; они встречаются там и сотрудничают с социалистами, подавляющее большинство которых – следует отметить это мимоходом – не менее враждебно, чем анархисты, всякой мысли о соглашении между профсоюзами и Социалистической партией.

Структура CGT заслуживает того, чтобы о ней знали. В отличие от структуры столь многих других рабочих организаций, она не является ни централистской, ни авторитарной. Конфедеральный комитет – не то, что воображают правители и репортёры буржуазных газет: не директивный комитет, соединяющий в своих руках законодательную и исполнительную власть. Он лишён всякой власти. CGT управляется снизу вверх; у профсоюза нет иного хозяина, кроме него самого; он свободен действовать или не действовать; никакая внешняя по отношению к нему воля никогда не сдержит и не приведет в действие его активность.

Итак, в основе Конфедерации лежит профсоюз. Но профсоюз не входит в Конфедерацию напрямую; он может сделать это лишь через посредство своей отраслевой федерации, с одной стороны, и своей биржи труда, с другой.

Именно объединение федераций между собой и объединение бирж и составляют Конфедерацию.

Конфедеральная жизнь координируется конфедеральным комитетом, образуемым одновременно делегатами бирж и делегатами федераций. Рядом с ним действуют комиссии, избираемые из его состава. Это комиссия газеты (*Voix du Peuple* – «Голос народа»), контрольная комиссия с финансовыми функциями, комиссия по забастовкам и всеобщей забастовке.

Конгресс является единственным сувереном в решении коллективных дел. Любой профсоюз, каким бы слабым он ни был, имеет право быть представленным на нём делегатом, которого он сам выбирает.

Бюджет Конфедерации самый скромный. Он не превышает 30.000 франков в год. Непрерывная агитация, приведшая к широкому движению мая 1906 года за завоевание восьмичасового рабочего дня, поглотила не более 60.000 франков. Столь ничтожная цифра когда-то, когда она была обнародована, вызвала изумление журналистов. Как! с несколькими тысячами франков Конфедерация могла поддерживать месяц за месяцем интенсивное рабочее движение! – Дело в том, что французский синдикализм, если он беден деньгами, богат энергией, самоотверженностью, энтузиазмом, а это такие богатства, рабом которых не рискуешь стать.

Не без усилий и не без долгого времени французское рабочее движение стало тем, что мы видим сегодня. За тридцать пять лет – со времён Парижской коммуны – оно прошло через множество фаз.

Идея сделать пролетариат, организованный в «общества сопротивления», движущей силой социальной революции, была главной, фундаментальной идеей великого Международного товарищества рабочих², основанного в Лондоне в 1864 году. Девизом Интернационала было, как вы помните: *«Освобождение рабочих будет делом самих рабочих»*, – и это по-прежнему наш девиз, всех нас, сторонников прямого действия и противников парламентаризма. Идеи автономии и федерации, столь почитаемые среди нас, вдохновляли когда-то всех тех, кто в Интернационале восставал против злоупотреблений властью со стороны Генерального совета и после Гаагского конгресса открыто

² Первый Интернационал

ставка, он применялся во все времена, но лишь в последние годы он приобрёл поистине революционное значение. Результаты, произведённые саботажем, уже значительны. Там, где забастовка оказалась бессильной, он сумел сломить сопротивление хозяев. Недавний пример – тот, что был дан после забастовки и поражения парижских каменщиков в 1906 году: каменщики вернулись на стройки с решимостью заключить с хозяевами мир, более страшный для рабочих, чем война: и по единодушному и молчаливому согласию начали замедлять ежедневное производство; как бы случайно мешки с гипсом или цементом оказывались испорченными, и так далее, и так далее. Эта война продолжается ещё и в настоящий момент, и, повторяю, результаты были превосходны. Не только хозяева очень часто уступали, но из этой кампании, длившейся несколько месяцев, рабочий-каменщик вышел более сознательным, более независимым, более мятежным.

Но если я рассматриваю синдикализм в целом, не останавливаясь долее на его отдельных проявлениях, какую же апологию я должен ему воздать! – Революционный дух во Франции умирал, или по крайней мере год от года слабел. Революционность Геда, например, была уже лишь словесной или, что ещё хуже, электоральной и парламентской; революционность Жореса шла, напротив, гораздо дальше: она была попросту и, впрочем, вполне откровенно, министерской и правительственной. Что же до анархистов, их революционность величественно укрылась в башне из слоновой кости философского умозрения. Среди стольких отступлений, самым действием этих отступлений, родился синдикализм; революционный дух ожил, обновился от соприкосновения с ним, и буржуазия – впервые с тех пор, как анархистский динамит умолк в своём грандиозном голосе, – буржуазия задрожала!

году на Амьенском конгрессе гордо заявить, что он достаточен сам по себе.

Я был бы серьёзно недоволен, если бы не показал вам средства, на которые революционный синдикализм рассчитывает для достижения освобождения рабочего класса.

Эти средства сводятся к двум словам: *прямое действие*. Что такое прямое действие?

Долгое время под влиянием социалистических школ и главным образом гедистской школы рабочие полагались на государство в деле продвижения своих требований. Вспомните эти шествия трудящихся, во главе которых шли депутаты-социалисты, несшие публичным властям наказания четвёртого сословия! – Поскольку такой образ действий привёл к тяжёлым разочарованиям, мало-помалу пришли к мысли, что рабочие никогда не добьются иных реформ, кроме тех, которые они будут способны навязать *сами*; иными словами, что максимум Интернационала, которую я только что цитировал, следует понимать и применять самым строгим образом.

Действовать самим, рассчитывать только на самих себя – вот что такое прямое действие. Оно, само собой разумеется, принимает самые разнообразные формы.

Его главная форма, или, вернее, его самая яркая форма – забастовка. Обоюдоострое оружие, говорили о ней когда-то; оружие прочное и хорошо закалённое, скажем мы, и, умело используемое рабочим, оно может поразить хозяев в самое сердце. Именно через забастовку рабочие массы вступают в классовую борьбу и осваиваются с понятиями, из неё вытекающими; именно через забастовку они совершают своё революционное воспитание, измеряют свою собственную силу и силу своего врага – капитализма, обретают уверенность в своей мощи, учатся смелости.

Саботаж имеет не многим меньшую ценность. Его формулируют так: *Плохая плата – плохая работа*. Как и заба-

принял сторону Бакунина. Более того, сама идея всеобщей забастовки, столь популярная сегодня, – это идея Интернационала, который первым понял заключённую в ней силу.

Поражение Коммуны развязало во Франции страшную реакцию. Рабочее движение было резко остановлено, его активисты были убиты или вынуждены уехать за границу. Однако через несколько лет оно восстановилось – сначала слабое и робкое; позднее ему предстояло осмелеть. Первый конгресс состоялся в Париже в 1876 году: мирный дух кооператоров и мютюэлистов господствовал там от начала и до конца. На следующем конгрессе подняли голос социалисты; они заговорили об отмене наёмного труда. Наконец в Марселе (1879) новые участники рабочего движения одержали победу и придали конгрессу ярко выраженный социалистический и революционный характер. Но вскоре между социалистами разных школ и течений обнаружились расхождения. В Гавре анархисты удалились, к несчастью оставив поле свободным для сторонников минимальных программ и завоевания власти. Оставшись одни, коллективисты³ не смогли договориться. Борьба между Гедом и Бруссом разорвала нарождающуюся рабочую партию, приведя к полнейшему расколу.

Однако случилось так, что ни гедисты, ни бруссисты (от которых позднее отделились аллеманисты) вскоре уже не могли говорить от имени пролетариата. Тот, справедливо равнодушный к распрям школ, восстановил свои союзы, которые назвал новым именем – *синдикаты*⁴. Предостав-

³ Как видно, к этому времени, коллективизм теперь ассоциировался с реформистскими социалистами.

⁴ Наименование профсоюзов в западной Европе претерпевало значительные изменения. От «обществ сопротивления» до «синдикатов» и «тред-юнионов». Здесь мы везде слово «синдикат» заменяем словом «профсоюз», если это допускает логика текста.

ленный самому себе, защищённый – в силу самой своей слабости – от ревности соперничающих группировок, синдикальное движение мало-помалу приобрело силу и уверенность. Оно выросло. Федерация бирж труда образовалась в 1892 году, Всеобщая конфедерация труда (CGT) – в 1895 году, причём с самого начала она позаботилась объявить о своем политическом нейтралитете. Тем временем рабочий конгресс 1894 года (в Нанте) принял принцип революционной всеобщей забастовки.

Именно к этой эпохе относится то, что многие анархисты, наконец заметив, что философии недостаточно, чтобы делать революцию, вошли в рабочее движение, которое порождало у тех, кто умел наблюдать, самые прекрасные надежды. Фернан Пеллутье был человеком, который лучше всего воплотил в ту эпоху эту эволюцию анархистов.

Все последующие конгрессы ещё более подчеркнули разрыв между организованным рабочим классом и политикой. В Тулузе в 1897 году наши товарищи Делесаль и Пуже добились принятия так называемой тактики бойкота и саботажа. В 1900 году был основан «*Voix du Peuple*» с Пуже в качестве главного редактора. CGT, выходя из трудного начального периода, с каждым днём всё более показывала свою растущую силу. Она становилась силой, с которой отныне должны были считаться, с одной стороны, правительство, с другой – социалистические партии.

Со стороны первого, поддерживаемого всеми социалистами-реформистами, новое движение подверглось тогда страшной атаке. Мильеран, став министром, попытался огосударствить синдикаты, превратить каждую биржу труда в филиал своего министерства. Оплачиваемые им агенты работали на него в организациях. Пытались подкупить верных активистов. Опасность была велика. Её отвели благодаря соглашению, которое тогда возникло между всеми революционными фракциями

– между анархистами, гедистами и бланкистами. Это соглашение сохранилось и после того, как опасность миновала.

Конфедерация – усиленная с 1902 года вхождением в неё Федерации бирж труда, чем было осуществлено *единство рабочего класса*, – черпает сегодня свою силу в себе самой; и именно из этого соглашения родился революционный синдикализм, доктрина, которая делает синдикат органом, а всеобщую забастовку – средством социального преобразования.

Но – и на этом пункте, важность которого чрезвычайна, я призываю всё внимание наших не-французских товарищей – ни осуществление единства рабочего класса, ни коалиция революционеров сами по себе не могли бы привести CGT к её нынешней степени процветания и влияния, если бы мы в синдикальной практике не остались верны тому фундаментальному принципу, который фактически исключает «синдикаты мнений»⁵: *один синдикат на профессию и на город*. Следствие этого принципа – политическая нейтрализация синдиката, который не может и не должен быть ни анархистским, ни гедистским, ни аллеманистским, ни бланкистским, а просто рабочим. В синдикате расхождения во мнениях, часто столь тонкие, столь искусственные, отходят на второй план; благодаря чему согласие становится возможным. В практической жизни интересы преобладают над идеями: ведь все распри между школами и сектами не отменяют того, что у рабочих – уже в силу того, что все они одинаково подчинены закону наёмного труда, – интересы тождественны. И вот секрет согласия, установившегося между ними, которое составляет силу синдикализма и которое позволило ему в прошлом

⁵ Видимо, имеются ввиду идеологизированные профсоюзы.